

лог: — Я иду в те-

атр.

— В какой?

— Имени...

И далее следу-

ет название. Мы

к этому привыкли.

Реже можно услышать такое:

— Я иду в театр.

— В какой?

— К...

И далее называется имя художественного руководителя этого театра.

Мы не часто задумываемся над существом разницы этих разговоров. А между тем оно весьма примечательно. В нем кроется не любовь зрителя к нивелировке в искусстве, желание, чтобы тот или иной театр имел, говоря привычной формулой, «свое творческое лицо». Складывается оно, как известно, из многих компонентов и по-разному: у одних — на протяжении десятилетий и у других — в течение одного-двух сезонов. Но есть театры, существующие десятки лет, которые лица своего так и не показали. Вспомнить все это львовским театралом пришлось в начале нынешнего месяца, когда начал свои гастроли Ленинградский театр Комедии. У нас как-то сразу укоренилось: «Идем к Акимову», то есть в театр, созданный великолепным художником, народным артистом СССР Николаем Павловичем Акимовым. Спектакли его стали для многих из нас новой страничкой в прекрасной книге советского театрального искусства.

Гастроли ленинградцы начали комедией Дмитрия Угрюмова «Чемодан с наклейками». Автор, чье творчество знакомо нам по водевилю «Кресло № 16», не претендует ни на новизну темы, ни на оригинальность ее разработки. В руках посредственного режиссера она могла бы предстать на сцене чем-то вроде театрализованного фельетона, констатируя лишь тот факт, что обыватель и мещанин — это плохо. Однако для театра подобного результата мало. Недостаточно этого и для зрителя: ведь его интересует не столько сухой рационалистический ответ на вопрос, поставленный драма-

ПРОТИВ МЕЩАНСТВА

тургом, ибо театр, прежде всего, искусство эмоционального утверждения, тех или иных идей и норм морали. Н. Акимов и весь ансамбль актеров укрупнили драматургию пьесы, замысел автора. Стала более рельефной и значительной мишень, по которой бьет сатира. И уже не смешок, а обличительный смех вступает в единоборство с моралью мещанина. И смех побеждает. Конечно, это не сатира щедринского размаха, но уродливо показано уродливым, а прекрасное — красиво, хотя, скажем, последнее нередко лишь декларируется.

О чем же пьеса? Схематически изложить ее нетрудно. Она повествует о том, как родители одной девушки, будучи в плену мещанских представлений о счастье замужестве, прельщаются ее счастьем с хорошим пареньком только потому, что он — начинающий актер и принадлежит к простой трудовой семье, весьма скромной в средствах. Идеалы родителей — взять с машиной, дачей и... чемоданом с наклейками различных зарубежных гостиниц. Чемодан с наклейками для них — символ обеспеченности, возможности, если хотите, перепектия и интеллигентности.

Внутри этого сюжетного построения много забавных, веселых и остроумных ситуаций, дающих режиссеру и актерам возможность блеснуть мастерством и выдумкой. Прежде всего хочется сказать о форме спектакля — четкой, продуманной до деталей. Комедия идет в живом веселом ритме. В спектакле все органично. Простота и легкость декораций, силуэтные заставки, завершающие отдельные картины-эпизоды, «персонаж», вычеркнутый автором из пьесы» создают атмосферу удивительно непринужденного общения актеров со зрительным залом.

Мы знаем Н. Акимова как режиссера, непрестанно ищущего новые возможности разнообразного использования сценической площадки. В этих поисках неразрывно идут рядом Акимов-режиссер и Акимов-художник. И своеобразный техницизм в оформлении спектакля не противоречит ни общему режиссерскому замыслу, ни реалистическому строю пьесы.

Пусть для многих несколько необычно появление «персонажа, вычеркнутого автором из пьесы». Прием этот не так уж нов, и все же он настораживает; а не разрушится ли ткань спектакля! Но опасения напрасны. Наша целомудренная любовь к традиционным формам сценического действия несколько не пострадала от того, что автор и постановщик позволили встать между залом и сценой персонажу, от имени которого ведется рассказ, комментирующему то, что происходит на сцене, вмешивающемуся вдруг в действие и принимающему в нем

активное участие. Роль этого «третьего лица» очень темпераментно и заразительно весело сыграна артистом Н. Трофимовым. Особенно хорош Н. Трофимов в сцене у Вики Сверчковой, правда, в сравнении с другими массовыми сценами этот эпизод несколько вял. Ритм спектакля здесь заметно спадает. Ощущение таково, словно быстро идущий фильм перешел кадром замедленной съемки, причем кадром, довольно слабым по своей драматургии. Этот спад приходится компенсировать Н. Трофимову. И, надо сказать, делает он это превосходно.

Война с убогой моралью семейства Муштаковых-старших ведется в спектакле острым оружием смеха. Им пользуются и отец дочь Лариса (артистка Л. Люблинская), Юрий (артист А. Кириллов), их друзья, художник-пенсонер Размышляев (артист Л. Колесов). Но особенно беспощадно высмеивают Муштаковых те, кто на несколько часов перевоплотился в главных героев спектакля, — П. Суханов (Савелий Захарович Муштаков), И. Зарубина (его жена Раиса Васильевна) и Е. Уварова (тетя Сима). Это прекрасное актерское трио, тонко пользуясь приемами гротеска, передает суть характеров своих героев в заостренной комедийной форме. Тут почти нет полутонов. Образы очерчены сочными мазками, контрастно и объемно.

Спектакль «Чемодан с наклейками» эмоционален. Авторы, словно содрав наклейки с чемоданов, прилепили их, как опознавательные знаки, на медные лбы обывателей и мещан, еще разгуливающих среди нас, и призывают: «Смейтесь над ними! Громко! Они боятся нашего смеха, смеяха морально здоровых людей!»

Григорий ГЛАЗОВ.

Рисунки художника
С. Грузберг.

Народная артистка РСФСР И. Зарубина в роли Раисы Васильевны.

Заслуженный артист Таджикской ССР И. Ханзель в роли Размышляева.

Львовская правда
г. Львов

20 АВИ 1964